

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: domanov@philosophy.nsc.ru

ИДЕНТИФИКАЦИЯ И РЕАЛЬНОЕ: ЛАКАН И ЛАРЮЭЛЬ

Понятие идентификации в психоанализе Ж. Лакана менялось в соответствии с эволюцией его теории субъекта. В статье исследуются эти изменения и показывается, с опорой на подход Ф. Ларюэля, что воображаемая и символическая идентификация остаются в рамках определенной им философии Различия, тогда как реальная идентификация частично выходит за ее пределы.

Ключевые слова: психоанализ, субъективность, идентификация.

Идентификация в психоанализе является основным механизмом конституирования субъекта. Однако она не является простым актом. В ней проявляются различные модели этого конституирования и различные теории субъекта как такового. В случае Лакана это особенно хорошо видно, поскольку его представления об идентификации менялись вместе с его представлениями о субъекте. Конечный результат этой эволюции (который ни в коем случае нельзя считать окончательным), связанный с разработкой Лаканом понятия реального, далек от ясности, так же как и его философские (или нефилософские) основания. В данной статье он рассматривается с точки зрения введенного Франсуа Ларюэлем понятия философий Различия [Laruelle, 2011].

Фрейд определяет идентификацию как процесс присвоения человеком свойств, принадлежащих кому-то или чему-то другому. Так, ребенок начинает вести себя как потерянный им котенок. В психоанализе Фрейда эта операция занимает фундаментальное место, так как именно она лежит в основании конституирования человеческого Я. Эго или Я¹ конституируется на стадии

нарциссизма как первый объект, на котором концентрируется либидо. Только после этого либидо оказывается в состоянии направляться на другие, уже внешние объекты [Фрейд, 2007а]. В дальнейшем происходит обратный процесс, и либидо, помещенное во внешние объекты, возвращается в эго в случае их утери [Фрейд, 2007б]. Таким образом, согласно Фрейду, эго выстраивается благодаря идентификации с утраченными объектами любви, из которых одним из важнейших является образ своего тела. Уже эта теория, а также выросшая из нее теория объектных отношений, сталкивается с неразрешимой ее средствами проблемой. Действительно, с одной стороны, эго стремится отождествиться с объектом и уничтожить его, но с другой – оно сохраняется лишь потому, что не совпадает с объектом, потому что иначе невозможно учесть динамический характер отношений между ними.

Разрешение этой трудности, предложенное Лаканом в понятии стадии зеркала, состояло в различении субъекта и эго (Je и Moi). Лакан радикализирует идею нарциссизма. Для него идентификация это процесс конституирования эго, которое, следова-

---

¹ Фрейд использует обычное немецкое «Ich», которое на английский принято переводить как «ego». Придя в русский язык из английских психоаналитических текстов, оно превратилось в «эго». Во французском, в частности, у Лакана, используется термин «Moi».

тельно, не существует прежде идентификации. Именно объект идентификации позволяет эго конституироваться, выступает его причиной. Отношение, о котором идет речь в теории объектных отношений, разыгрывается между двумя воображаемыми инстанциями (эго и объект). Соответственно, нарциссическая идентификация оказывается воображаемой, а не реальной. Объект относится не к реальности, а к психике. Это объект, который «всегда уже здесь», и внешние предметы и люди используются психикой лишь для того, чтобы подтвердить присутствие этого внутреннего объекта (см.: [Nasio, 1988. P. 150]).

Таким образом, в воображаемой идентификации речь идет об идентификации с образом. Идентификация это «трансформация, происходящая с субъектом, когда он принимает на себя (assume) некоторый образ» [Lacan, 1966a. P. 94]. В этот период Лакан понимает наслаждение как возникающее в коммуникации, как результат подтверждения другим смысла, исходящего от субъекта [Miller, 1999. P. 8]. Идентификация основана на совпадении, которое, однако, никогда не является полным. Лакан называет это обстоятельство отчуждением.

Следуя Кожеву, Лакан понимает эту зеркальность в терминах желания: «желание субъекта есть желание другого», субъект желает, чтобы его желали. Желание, таким образом, имеет структурный характер, оно оказывается здесь онтологической характеристикой, способом существования субъекта. Но это означает, что такая схема не учитывает аспект, явно присутствовавший у Фрейда в теории нарциссизма. Она не объясняет либидинозную нагрузку образа. Мифический Нарцисс не просто видит себя в зеркале воды, но влюбляется в собственное отражение. Понимание наслаждения как совпадения не требует предположения о либидо, но именно по этой причине не в состоянии объяснить либидинозную нагрузку. Почему, в конце концов, совпадение желанно? Теория стадии зеркала не разрешает проблему отчуждения. Как удастся субъекту пережить несовпадение с объектом и разрушение эго? Каков механизм, позволяющий субъекту удерживаться в этом несовпадении?

Для разрешения этих трудностей Лакан усложняет схему зеркальной идентификации, вводя в нее Другого (с большой

буквы – l'Autre) [Lacan, 1966b]. Это взрослый, не просто подтверждающий идентификацию ребенка с зеркальным образом, но своим подтверждением вызывающим нагрузку этого образа. Тем самым возникает иной тип идентификации – символической. Лакан описывает его по-разному, но парадигмальной схемой является идентификация с Отцом в ходе разрешения эдипова комплекса. Она принципиально амбивалентна и полностью не достижима. В отличие от образа, идентификация с означающим (а речь теперь идет именно о нем; см. ниже) это отождествление с тем, с чем принципиально нельзя отождествиться. Чтобы ее описать, Лакан проводит различие между отчуждением и сепарацией. В XVI главе семинара «Четыре основные понятия психоанализа» [Lacan, 1973. P. 190–195] речь идет об «операциях реализации зависимого от означающих субъекта, происходящей в месте Другого» [Ibid. P. 188]. Другого Лакан определяет здесь как «место, где находится цепочка означающего, управляющая всей той частью субъекта, что будет способна презентироваться». Другими словами, образ, в котором субъект узнает себя, трансформируется здесь в означающее. В основе структуры означающих лежит «функция разреза» (la fonction de la coupure), благодаря которой отношения с Другим перестают быть взаимными. Без этого изменения, как говорит Лакан, «все могло бы быть здесь»² [Ibid. P. 188]. Однако субъект также остается в символическом «эффе́ктом означающего»³: «Означающее, продуцирующееся в поле Другого, порождает субъекта этого означающего» [Ibid. P. 188]. Порожденный таким способом субъект тут же исчезает, редуцируясь к означающему. Лакан дает этому явлению имя «афанизис» (aphanisis), называя его также по-английски fading: субъект, исчезает, затемняется, затухает.

Но речь здесь идет не просто об исчезновении субъекта, а о его появлении в форме афанизиса: «если он [субъект] появляется на одной стороне как смысл, продуцированный означающим, то на другой он появляется как афанизис» [Ibid. P. 191].

² «tout pourrait être là». Во французских переводах Хайдеггера être-là традиционно передает термин Dasein.

³ Хотя, строго говоря, говорить об означающем в воображаемом не совсем корректно.

Нельзя поэтому сказать, и Лакан прямо против этого возражает, что субъект возникает и обнаруживает свое возникновение исключительно в поле Другого, поле означающего. Здесь говорится не об отчуждении, как оно разыгрывается на уровне воображаемого. На уровне символического этим дело не ограничивается. Вопрос теперь состоит в том, как субъекту удастся сохранить себя в условиях этого затухания. Именно в ответе на данный вопрос Лакан определяет две операции, относящиеся к отношению субъекта с Другим или с набором означающих.

Первая из этих операций – отчуждение – нам уже знакома. Субъект является (в том числе самому себе) лишь посредством заимствованных в поле Другого (и, в этом смысле, чужих) означающих. Он, следовательно, теряет себя в них. Вторая же операция – сепарация – состоит в порождении в Другом места, в котором означающее отсутствует, причем субъект идентифицируется именно с этим отсутствующим означающим. Хотя субъект обнаруживает в Другом изъян, именно этот изъян позволяет возникнуть иному типу идентификации и субъекта. Субъект здесь также не совпадает с тем, с чем он идентифицируется, и идентификация не достигается вполне. Но в случае воображаемого образ обозначает субъекта негативно: «не то». Субъект находит здесь единственное обозначение: афанизис, исчезновение. В мире субъекта есть лишь означающие, предшествующие ему, отчужденные от него. Сам же афанизис (т. е. субъект) не находит своего места среди них. Именно это адекватное себе место он обнаруживает в случае символического.

Отсутствующее означающее Лакан называет желанием Другого. Даже будучи неизвестным, и именно в силу этой неизвестности, оно дает субъекту опору, на которую он может выстроить свой способ бытия. Желание Другого оказывается точкой, к которой возможно прикрепить свободную нехватку воображаемого. В бинарной структуре появляется третий элемент, позволяющий освободить субъекта от захваченности образом. Перипетии воображаемой идентификации представляются теперь в терминах полноты и неполноты (нехватки). Вместо неудачной идентификации мы имеем теперь неполную.

Субъект идентифицируется не с образом, а с недостижимым фантазмом, что дает ему гораздо большую устойчивость в ситуации «несовпадения с собой». В отличие от психотика, не знающего символического, чей мир разрушается при потере идентификации с его объектом, невротик способен существовать в ситуации «бытия никем», поскольку обладает измерением Другого.

В этой схеме имеется неопределенность. Действительно, невозможно сказать, выстраивается ли субъект на основе пустоты в означающем порядке или сама эта пустота является лишь элементом онтологической структуры субъекта. Мы можем, следовательно, сказать, что субъект это не просто то, чего не хватает, но сама нехватка, сам собой и ошибка идентификации. Онтологически это означает, что способ бытия субъекта состоит в «негативации», в желании, направленном по ту сторону всякого данного сущего. Такое желание построено на чистой нехватке, и Лакан в этот период понимает тревогу как прямую встречу с ней, как внезапное осознание фантазматичности собственных объектов и идентификаций; они – не что иное, как ничто. Эта схема, однако, не удовлетворила Лакана, и с конца 50-х гг. он разрабатывает то, что можно назвать реальной идентификацией.

Описанная схема символического имеет несколько проблем, важнейшая из которых состоит в том, что она также не позволяет полностью учесть динамический аспект фрейдовской теории, роль в ней наслаждения. Субъект желания конституируется в ней на пустоте, чистой нехватке, предположении-фантазме, не имеющем формы и проявляющемся на уровне означающего лишь как «означающее нехватки» (фаллос, обозначаемый Лаканом как «-ф»). Реальное призвано учесть «позитивный» аспект желания, его отношение к наслаждению.

В общем, реальное связано с травматическим разрушением символического. Важно, однако, понять трансформацию в понимании травмы, которая здесь происходит. Первоначально травма состоит в разрушении предположительно «гармонического» или привычного состояния (Фрейд говорит здесь о гомеостазе). Но в символическом «нормальном» становится сценарий сбой и нехватки, поэтому травма состоит в некотором восстановлении «целостности», в исчезновении нехватки. Соответственно,

меняется и смысл тревоги: субъект тревожится не о потере, а о лишении возможности потерять. Это не означает, что мы в реальном возвращаемся в полную воображаемую структуру, хотя, в определенном смысле, мы можем говорить (как это постоянно делает Лакан), что в реальном нет нехватки.

Реальное это то, что не включено (и не может быть включено) в символические цепочки – оно «не имеет смысла». Но понимать эту фразу следует в контексте желания. Этот момент у Лакана часто вводит в заблуждение, чему он сам порой дает повод. Реальное это не кантовская скрытая за феноменами вещь сама по себе, хотя в первоначальных разработках понятия реального как Вещи Лакан ссылается именно на Канта (а также на кантиански мыслящего Фрейда). Но отношение реального с языком иное. Язык не дает доступ к реальному (пусть и в фантазме, пусть и всегда недостаточный), но сам реален, сам есть способ наслаждаться, как Лакан демонстрирует при анализе языка Джойса в Семинаре 23. Мы видим постепенный сдвиг в лакановском понимании симптома от зашифрованного сообщения к чистому наслаждению синтома (*le sinthome*). Конфигурация означающих не указывает на наслаждение, но сама является способом наслаждения субъекта, его способом бытия, его «собственным». Реальное не указывает на что-либо за его пределами, и именно этим вызывает тревогу – в нем нет нехватки. В этом смысле, кантовская вещь сама по себе относится не к реальному, а к символическому, тогда как лакановский объект *a* содержит в себе черты того и другого. Можно сказать, что в этом объекте происходит переход от реального к символическому. Взгляд или голос символичны, если содержат в себе указание на Другого, отдельно же от Другого они реальны и внушают тревогу именно потому, что не допускают обращения к этому Другому за его желанием, не позволяя субъекту выстроить свое собственное желание.

Объект *a* как реальный связан с наслаждением, перед лицом которого субъект лишен защиты желания. Чтобы отличить объект *a* от обычного объекта желания, Лакан называет его объектом-причиной, в отличие от объекта-цели. Желание не направлено на объект-причину, но вызывается им. Механизм этого причинения не до конца ясен, и в

оставшейся части статьи я попытаюсь провести его реконструкцию, опираясь на концепцию философии Различия Франсуа Ларюеля [Laguette, 2011].

Объект *a* вызывает желание как защиту. Он не манит, а угрожает, и желание возникает как защита от этой угрозы. Но одновременно объект *a* является, в некотором смысле, реальной частью субъекта, ядром его наслаждения, поэтому защита не может избавиться от него окончательно. В психоанализе объект *a* возникает как часть тела, которую субъект отрывает от себя [Vanier, 2000. P. 69]. Но одновременно это часть тела Другого – реальная часть субъекта, которую он обнаруживает в поле Другого. В такой форме реальное переживается в опыте анализа. Вопрос, однако, состоит в том, каковы могут быть онтологические основания этого опыта. Вопрос относится к компетенции философии, а не психоанализа. При внимательном взгляде на лакановское описание объекта *a* мы обнаруживаем в нем структуру, которую Ларюэль называет философией Различия. Это единство двух взаимозависимых сторон, одна из которых феноменальна и априорна, а другая – ноуменальна и не дана непосредственно. Мы уже видели эту структуру в лакановском символическом, достигающем кульминации в объекте *a*, рассматриваемом в его символическом аспекте как означающее чистой нехватки. Объект и желание как способ бытия субъекта возникают в символическом одновременно. Мы уже не можем сказать, является ли нехватка онтологическим принципом или принципом строения субъекта. Мы не можем сказать, не является ли недоступность Вещи лишь эффектом в рамках определенной структуры субъекта. Такое понимание приводит к субъекту, бытие которого состоит в постоянном движении и превосхождении себя. Это конечность в хайдеггеровском смысле слова: *Dasein* как трансценденция или, лучше сказать, трансцендирование. В «Бытии и времени» собственное существует как возможность *Dasein*, как предмет никогда не завершающегося наброска. То же самое мы можем сказать и о лакановском субъекте желания с его непрекращающейся охотой за все новыми объектами. Это способ отказа от понимания трансцендентного Единого как объекта или сверх-сущего, характерный для философии Различия. По словам Ларюеля: «Опре-

деленная наивность Различия – но такая, что составляет большую часть традиции, по меньшей мере, со времен Платона – вызвала к жизни надежду, что Абсолют возможен в модусе трансценденции или, в точности, *перехода*, что Единое можно мыслить в модусе Бытия» [Laruelle, 2011. P. 168].

Реальное выходит за рамки этой парадигмы, и, следовательно, за рамки философий Различия. Вместо означающего как доступа к реальному мы имеем теперь означающее как реальное. Вместо идентификации субъекта с означающим мы имеем субъекта, с самого начала тождественного с означающим. Нехватка и изъян, структурирующие симптом, оказываются защитой от реального. Реальное это выход за пределы парадигмы «пустого» субъекта, в которой субъект понимается как способ «имитации» бытия в ситуации его нехватки (*manque-à-être*), когда субъект разыгрывает сценарии, в которых имитируется присутствие недостижимого объекта. Вместо этого мы имеем теперь материальность самого означающего, оказывающегося неустранимой материальностью субъекта. Реальное это не Вещь, скрытая за означающими. Такая структура целиком находилась бы в рамках философии Различия. Реальное это само означающее, в котором, подобно фихтевскому *Tathandlung*, нет разделения на феноменальное и ноуменальное, «идеальное» и «реальное». Такое разделение становится возможным благодаря решению, полагающему фантазматическое означающее по ту сторону реального. Это дает начало разнообразным философиям Различия, отличающимся тем, какое именно означающее здесь полагается. Это же разделение проводит границу между субъектом и означающим по ту сторону реального (положенного тем же решением). Только затем становится возможным

говорить об идентификации и конституировании субъекта посредством идентификации. Ранние варианты лакановской теории субъекта предполагают подобное разделение, в то время как поздние понятия – такие как *plus-de-juir*, *sinthome*, *lalangue* – это различные попытки описать реальное прежде разделения.

Список литературы

- Фрейд З.* О введении понятия «нарцизм» // Фрейд З. Психика: структура и функционирование. М.: Академ. проект, 2007а. С. 180–207.
- Фрейд З.* Печаль и меланхолия // Фрейд З. Психика: структура и функционирование. М.: Академ. проект, 2007б. С. 208–223.
- Lacan J.* *Écrits*. P.: Seuil, 1966a. 928 p.
- Lacan J.* Le stade du miroir comme formateur de la fonction du je, telle qu'elle nous est révélée, dans l'expérience psychanalytique // *Écrits*. P.: Seuil, 1966b. P. 93–100.
- Lacan J.* Le séminaire, livre XI: Les Quatre Concepts fondamentaux de la psychanalyse, 1964 / Sous la dir. de J.-A. Miller. P.: Seuil, 1973.
- Laruelle F.* *Philosophies of Difference: A Critical Introduction to Non-philosophy* / Trans. from the French by R. Gangle. N. Y.; L.: Continuum, 2011. 228 p.
- Miller J.-A.* Le six paradigmes de la jouissance // Les paradigmes de la jouissance. La Cause freudienne. Revue de psychanalyse, 1999. P. 7–29.
- Nasio J.-D.* Enseignement de 7 concepts cruciaux de la psychanalyse. P.: Rivages, 1988.
- Vanier A.* Lacan. P.: Belles Lettres, 2000.

Материал поступил в редакцию 03.10.2011

O. A. Domanov

IDENTIFICATION AND THE REAL: LACAN AND LARUELLE

The concept of identification in Lacanian psychoanalysis was changing with the evolution of his theory of subject. The article deals with this change and shows on the basis of F. Laruelle's approach that imaginary and symbolical identification remain within the philosophies of Difference that he defines, whereas real identification partially goes beyond their scope.

Keywords: psychoanalysis, subjectivity, identification.